

КАШТАНОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

ИГОРЬ БЫНОВ

Живет в Москве. Профессиональный юрист. Пишет стихи и прозу. Литературной деятельностью занялся, окончив курсы писательского мастерства школы BAND.

Тяжеленный «бентли» внезапно смолк, медленно подкатился к обочине и замер. В салоне стало так тихо, что слышалось напряженное дыхание пассажира, который тут же грубо возмутился:

– Эй, ты что делаешь?

Водитель побледнел, но, пересилив себя, ответил:

– Аркадий Петрович, сигнализация тестирует двигатель. Две минуты.

– Я вижу, что двигатель! – Возглас перешел в злобный шепот. – Если опоздаю, ты у меня остаток жизни телегу водить будешь, понял? Понял?!

– Да.

– Так делай что-нибудь! Не сиди.

Аркадий Петрович мельком глянул на циферблат «Ролекса», схватил дубленку и с досадой толкнул дверь. Под лакированными туфлями закрипел снег. Он оделся, нетерпеливо прошелся туда-сюда, прислушиваясь, как водитель суетится с фонариком под капотом, сплюнул и достал сигареты. И уже щелкнув зажигалкой, вдруг заметил, что рядом, из сугроба на обочине, торчит странная палка. Рука остановилась. «Новогодние сюрпризы, едрена мать! – пронеслось в голове. – Давно пора быть в Цюрихе, а я как последний лох застрял на Шереметьевской трассе».

– Скоро там? – резко крикнул он.

– Минута!

Шоссе темной полосой скрывалось в морозной дымке. Небо, усеянное звездами, казалось удивительно черным. Щелкнув зажигалкой еще раз, Аркадий Петрович прикурнул и, подняв огонек повыше, шагнул вперед, разглядывая палку. Она напоминала посох из дорогого полированного дерева с резным навершием, инкрустированным крупным граненым камнем. В камне этом свет зажигалки откликнулся, заплескал десятком ярких искр.

– Что за?.. – Аркадий Петрович ухватился...

Сознание его помутилось, будто густая тень пронеслась в глазах, и, не успев даже сообразить, что произошло, Аркадий Петрович увидел перед собой подъезд пятиэтажки. Самый обычный подъезд с засыпанным снегом бетонным козырьком, обледелыми ступенями и железной дверью. А в голове почему-то закружились цифры: 1812, 1812, 18...

– Что за черт!

Окна в доме горели, слышались приглушенные голоса, мимо со смехом и громкими возгласами «С Новым годом, дедушка! С наступающим!» прошла шумная, подвыпившая компания парней и девчонок. В груди у Аркадия Петровича екнуло и похолодело. Ни трассы, ни машины, ни... Посох! Вот он – в руке. Рука! меховой отворот, красный атласный рукав... Да что же это? Аркадий глянул вниз и увидел, что действительно стоит, одетый в какой-то широченный

красный халат с меховой оторочкой, а с подбородка свисает огромная белая борода. И нашупал под носом усы, которых в жизни не носил, а на макушке шапку. Крепко выругался еще раз. И еще. И... обмер. Это же... его дом. Все прочее мигом вылетело из головы. Его родной дом, где... Ну да. Вон на стене надпись: «Ленка дура». Это же он рядом стоял, пока Коська Цыпкин царапал тогда, чтобы соседку позлить... Точно. И фонарь вечно сломанный, и ступенька отколотая... тогда... тридцать лет назад... Рука Аркадия Петровича до боли сжала ручку посоха, а ноги каким-то неведомым образом сами понесли к двери... «1812». Это ж код домофона! Только-только поставили новую штуку. Только-только... Он все же не решился открыть сам и нажал номер квартиры. Перед глазами опять помутилось, а в груди больно кольнуло, когда послышался голос мамы:

– Здравствуйте. Кто там?

В горле пересохло так, что губы не могли пошевелиться. Не владея собой, Аркадий промычал что-то невнятное.

– Кто? Кто там? – повторила мама.

– Я, – наконец выдал гость.

И услышал тихий голос отца.

– Да это, наверное, Дед Мороз. Катя, дай я скажу. – И уже громче: – Это вы по заказу?

Аркадий опять оглядел себя в странном красном халате, зачем-то поправил дурацкую бороду и неожиданно согласился:

– Я.

– Заходите.

Тихо щелкнул замок, и в динамике вновь послышался глухой голос матери:

– Аркаша, милый, готовься, к тебе Дедушка Мороз пришел.

И все стихло.

Аркадий Петрович, чувствуя, как сердце бешено колотится, с трудом сглотнул комок в горле и, постепенно-постепенно осознавая происходящее, перекинул посох в левую руку, а правой осторожно потянул дверь на себя.

Батарея, на которой сидели соседские ребята по вечерам, голые перила с остатками срезанного покрытия... На втором огромная белая кнопка звонка Перулевых, а это звонок Коськи... Дома, наверное... Дома? Как он тут очутился? А ведь вот оно все – перед глазами. Аркадий Петрович, нерешительно стуча посохом, поднялся на свою площадку и застыл. До ужаса знакомая, обитая дерматином дверь. Зажмурился, помотал головой. Легонько пахнет краской – Дороховы на четвертом сделали ремонт.

Открыл глаза. Но как же... как оказаться в одеянии Деда Мороза перед дверью собственной квартиры... тридцать лет спустя или... тридцать лет назад? За дверью тихо.

А ведь он знал. Да, знал, почему так тихо за этой дверью, и кого с нетерпением там ждут, и как многое зависит от этой встречи.

У Аркадия Петровича по-особому остро захолоуло в душе, как-то тепло-тепло и одновременно горько, а на глазах выступили слезы. Отчетливо вспомнился давний Новый год, когда он, пятилетний мальчуган, так надеялся, так ждал и верил, что придет Дед Мороз, которому вместе с мамой было написано письмо, и то жуткое отчаяние, ужасное разочарование и обман, что засели в памяти острой мстительной иглой. Чуда не случилось! Дед Мороз так и не появился. Остались только ненависть к волшебству, и праздникам, и взрослым... И вот поэтому он знал теперь, что должен сделать.

Аркашка, словно мячик, подпрыгнул на стуле, услышав голос мамы. Он пулей вылетел в коридор и, задыхаясь, выпалил:

– Дедушко Мороз? Мама, он правда пришел?

– Тихо, тихо. – Отец положил руку ему на плечо. – Не «дедушко», а «дедушка». Пришел.

– Сейчас постучит. – Мама погладила сына по голове, ласково улыбаясь.

– А подарок? – возбужденно зашептал мальчик. – Он принес подарок?

– Сейчас увидим.

Все трое замолчали, стоя в коридоре и ожидая желанного гостя. И разом вздрогнули – Аркаша этот миг хорошо запомнил! – когда раздался звонок.

Открыл отец, и на пороге появился он – самый настоящий Дед Мороз, бородатый, в красном халате и шапке – как на картинке. Пришел! Аркашка не удержался, кинулся к нему, ухватил за рукав и закричал так искренне, так восторженно, как могут кричать только малыши, впервые увидевшие чудо:

– Дедуш... ка Мороз! Это ты. Ты получил мое письмо? Получил?

Дед Мороз почему-то сначала молчал, потом откашлялся и поднял мальчишку на руки. Голос его слегка дрожал:

– Ну, здравствуй, Аркаша. Вот ты какой. Рад тебя видеть. Письмо я, конечно, получил.

Он сунул руку в карман и вынул тот самый конверт. Мальчик притих и завороченно смотрел Деду Морозу прямо в глаза.

– Дедушко... Дедушка Мороз, а почему ты плачешь?

– Это не слезы, Аркаша, это снег тает. Снег.

Тут мать с отцом воскликнули хором:

- Проходите, пожалуйста, в комнату. Аркаша, приглашай дедушку к столу.
- Идем к столу, – прошептал мальчик, – там елка. Я сам наряжал. И гирлянду клеил.

Дед Мороз сбросил туфли и во главе праздничной процессии вошел в комнату.

Все кружилось в голове Аркаши, как в тумане. К удивлению своему, он, ужасно волнуясь, но без единой запинки отчеканил стишок и едва сдерживался, чтобы не напомнить о подарке. Пока Дед Мороз задержался посреди комнаты с бокалом шампанского и поздравлял маму и папу, убежал в спальню, чтобы вытащить из шкафа каштанового человечка – свою собственную первую поделку. У человечка были огромные глаза, ручки-ветки и борода. Точно такая, как у Деда Мороза. Мальчик вернулся и протянул игрушку гостю.

- Дедушка, это тебе.

Дед Мороз передал бокал отцу, присел на корточки, хитро подмигнул.

- Спасибо! И у меня есть для тебя подарок, малыш.

И, словно по волшебству, вытащил из кармана – прямо из кармана! – паровоз.

Настоящий паровоз с колесами, трубой и машинистом внутри. Как и было написано в письме. Аркаша, затаив дыхание, без единого звука принял долгожданный подарок, бережно прижал к груди, еще раз взглянул на Деда Мороза и... расплакался. Вот прямо разревелся от всей души.

- Ну что ты, что ты! – Мама обняла его, прижала к себе. – Не плачь, хороший мой. Это же твой...

Всхлипывая, малыш едва промолвил:

- А Дедушко Мороз тоже плачет, вот и я...

Все трое смотрели на гостя. Из глаз Деда Мороза в его белые усы лились крупные-крупные слезы. Он тут же, явно смущаясь, неловко шмыгнул носом, прошептал: «Светлого праздника, родные мои!» – и поспешно направился к двери.

А мальчик кинулся за ним, обхватил колено и почти беззвучно произнес:

- Приходи еще. Приходи.

Как только шелкнул замок, перед Аркадием Петровичем опять возник придорожный сугроб, все та же темная Шереметьевская трасса, а за спиной глухо заурчал автомобиль.

- Аркадий Петрович, пора.
- Да, да.

Он медленно-медленно отпустил гладкую ручку загадочного посоха, по-прежнему торчавшего в снегу, бросил потухшую сигарету и сел в машину.

- Паша.
- Да, Аркадий Петрович.
- Поворачивай в город.
- Аркадий Петрович, но самолет через полчаса.
- Поворачивай, поворачивай.
- Он достал телефон и набрал номер.
- Алло, мама. Это я. Прости, что раньше не позвонил. Посмотри пожалуйста, мой каштановый человечек... помнишь? Да-да, тот самый, с бородой. Он в серванте?
- Прошла минута.
- Исчез куда-то? Хорошо. Люблю тебя. Ты не против, если я сейчас приеду? – Аркадий, точно зная, чему именно, улыбался во весь рот. – Чай? Да, конечно, с малиной будет в самый раз.

